

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Загадочный смех

«Public Domain»

1893

Куприн А. И.

Загадочный смех / А. И. Куприн — «Public Domain», 1893

«Нам довелось на днях быть в драматическом театре на одном из представлений „Власти тьмы“. О постановке и значении этого беспримерного произведения мы говорить не будем – о них уже достаточно много трактовали петербургские, московские, одесские, киевские и другие газеты. Но мы должны сознаться: нас не меньше самой пьесы занимало отношение к ней публики...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Загадочный смех

Нам довелось на днях быть в драматическом театре на одном из представлений «Власти тьмы». О постановке и значении этого беспримерного произведения мы говорить не будем – о них уже достаточно много трактовали петербургские, московские, одесские, киевские и другие газеты. Но мы должны сознаться: нас не меньше самой пьесы занимало отношение к ней публики.

Киевская публика вообще довольно-таки равнодушна к драматическому искусству. В этом отношении с ней может конкурировать разве одна только Одесса, где последовательно прогорело несколько антреприз. Все знают и говорят, что соловповская труппа хорошо подобрана, тесно «по-мейнингейски» спелась, имеет несколько крупных талантов, и тем не менее театр большей частью пустует. Чтобы привлечь публику, приходится прибегать либо к постановке беспардонных фарсов, вроде пресловутого «Ножа моей жены» и «Тетки Чарлея», либо выдвигать колоссальных боевых слонов, какими явились в прошлом году *m-me Sans Gene*¹, а в нынешнем «Царь Борис» и «Власть тьмы». Впрочем, и то на успех сбора можно рассчитывать только тогда, если в опере не поет г. Мишуга, а в цирке не показывают каких-нибудь новых козлов и свиней.

После первого и второго актов «Власти тьмы» мы не могли в публике заметить ничего, кроме недоумения и, пожалуй, некоторого разочарования. Оба эти впечатления, по нашему мнению, можно было заранее предсказать. Зрители, свыкшиеся в течение многих лет с условными сценическими эффектами, вроде разговоров *à part*², монологов, обращенных исключительно к зрителям, классических завываний в драматических местах, «горького» смеха и «страшного» шепота, – вдруг увидели, что перед ними ходят не бутафорские, а самые настоящие мужики, говорят настоящим «мужицким» языком, живут мужицкою жизнью. Публика была озадачена и, повторяем, была в этом права, потому что пьесы, полной такой беспощадной правдивости, еще не появлялось на русской сцене.

Но вот наступают третий и четвертый акты, в которых с поразительной быстротой вырастает трагический интерес пьесы.

В этих актах есть сцены, поразительные по своему ужасу, равные с шекспировскими по своей классической простоте. Аким уходит из сыновнего дома, потому что там много «пакостей», а потом возвращается, чтобы сказать, что «душа надобна». Никита испытывает первые приступы тяжелого бескомпромиссного мужицкого раскаяния: «скушно мне... тошно мне...» Потом не передаваемая никакими словами тяжелая, как кошмар, сцена закапывания «живого ребенка» в погреб. Потом панический страх Анютки, прислушивающейся в избе к тому, что делается на дворе, и кричащей Митричу, что ее кто-то сзади за плечи лапами хватает... Целый ряд потрясающих, невиданных сцен – и что же?

Матрена передает сыну ребенка (правда, довольно аляповато сделанного из тряпья) – весь театр облетает веселый смех. Анютка в избе мучается боязнью, что ребеночка закопают живьем, – смех. Никита дрожит при воспоминании о том, как трещали под доской маленькие косточки, – хохот! И это не раз и не два, а десятки раз, до конца пьесы, вплоть до того, как Аким просит господина урядника погодить и дать сыну докончить перед миром свою исповедь.

Что же знаменует этот неожиданный смех? Предположим, что труппа играла из рук вон плохо, предположим, что обстановка была карикатурна, что суфлер мешал актерам, что кто-то из действующих лиц забавно перепутал свою роль. Но все-таки ход пьесы остается тот же,

¹ мадам Сан-Жен (*франц.*).

² про себя, вполголоса (*франц.*).

потрясающий ее смысл не изменяется ни на волос, и все с той же простотой и ясностью раз-
вертывается перед зрителем ужасная картина окутанных чудовищной тьмою и мечущихся в
ней людей. Как же можно, даже при специальном желании, не только смеяться, глядя на эти
тяжелые сцены, но даже оставаться холодным к ним?

А между тем и обстановка не заставляет желать ничего лучшего, прекрасная труппа
играет так согласно и «цельно», как никогда еще она, кажется, не играла; премьеры болеют
нервами, исполняя свои роли.

И смеются ведь не мужчины, потому что мы видели некоторых из них выходящими в
антрактах с побледневшими и задумчивыми лицами, – смеются почти исключительно молодые
женщины и девушки. Что заставляет их смеяться в то время, когда мужик Никита давит доской
своего только что родившегося сына?

Бессердечность ли это? Тупость ли ума, чувств и нервов? Непонимание ли чужой народ-
ной жизни? Для нас эти вопросы – ряд загадок.

– Да какое же имеете вы право наконец навязывать публике ваши мнения и чувства? –
спросит нас, может быть, недовольный читатель. Мы ответим на это: конечно, никакого. Но
требовать от публики уважения к самой себе, требовать того, чтобы неуместный дикий смех не
мешал зрителям, любящим сцену, – слушать, а актерам – играть, нам кажется, право всякого,
заплатившего свои хотя бы и тридцать пять копеек за место. И пренебрегать этим правом –
неприлично и дурно.